

_Глава I

Слегка потертый, тощий Винс возник из дворовой арки, неся в душе приязнь к этому миру. Привет тебе, дедушка Ленин. Ветер с шорохом гонял по асфальту обрывок газеты. И тебе привет, Кормчий Мао. Коннекшн через шесть часов, можно было не торопиться. Винс усмехнулся — ну да, пачка сигарет в наличии. Так же как верный сониериксон в другом кармане, и кастет в третьем. Значит, все действительно еще не совсем.

Почта, телеграф, винтовка... Лукавый флорентиец вас сделал, парни — ведь только человек вечен и неизменен. И в отличие от свиньи может дастасавацца да ўсялякага. А гаджеты ды ўстановы приходять и зьнікаюць.

Красивый чистый город — его всегда удивляла исправная работа городских коммунальщиков. Хотя чего удивляться — тут не Неаполь, мафия не выживает. Остальные, впрочем, тоже не все. Не пашанцавала тебе, парень. Пакистан или Бангладеш — оставался бы ты дома, родной. Хотя куртка новая и рюкзак ничего.

«Я ничего не имею против тебя, против твоей религии и цвета кожи», — подумал Винс. — «Но в шенген ты отсюда не попадешь по-любому, лабусы и поляки стоят на границе насмерть, а к хохлам ты и сам не пойдешь. Так что рано или поздно, але ж гэтае здарыцца. Так почему не сейчас.» А сейчас ты дойдешь до угла, увидишь патруль и свернешь под арку — а где ты выйдешь (ну, захочешь выйти — ўжо прабач, друг) я знаю получше тебя.

Нда, куртка оказалась совсем хлам («А чего ты хотел? Это даже не Китай — это, блин, контрабас под Китай. Цікава, што за кравец гэткае шые?»). Рюкзак Винс проверил — вроде наркоты нет (ну, не любят патрули наркоту и оружие — вроде как ты конкурировать с ними пытаешься. Обижаются. На кастет косятся, но пропускают — да, упал черный, ударился о бордюр головой, бывает.)

Земля лютичей, кривичей и дреговичей. Кровь и дрыгва. Попандос, Пакистан (или Бангладеш) — надо было через Италию добираться. Там негры римлянам уже давно алаверды за Карфаген устроили. А тут тебе не там.

Он собирал его неспешно и тщательно. Как шахид собирает свой пояс. Первые наивные эмоции: «О как! И это все? Сейчас все закончится?» — уже схлынули. Осталась спокойная уверенность. От этого действия он действительно... Тут он начинал завидовать билингам. *Esse sive Habere*. Быть или иметь. Чтоб точнее выразить свою мысль парадигма привычного языка не подходила. Он не «ловил кайф» — это не надо было «ловить». Это было с ним. Он не «имел» его — в подчеркнуто прошедшем времени. Это сопровождало действие постоянно. *I have* это не совсем «я имею». Это не принадлежало ему. Он «меу глибокую плынь задоволенасьці». Порой ему казалось, что он собирает себя.

Вообще он был совершенно далек от всего этого. Многочасовые медитации, оставшиеся далеко в прошлом, не открыли будущее. Однако помогали спокойнее воспринимать извилистые зигзаги судьбы.

В прошлом он был хорошим скульптором — на спор повторял образцы из альбомов или исполнял в объеме персонажей с гравюр. Ему нравилось работать с деревом. Твердым, глянцево блестящим на срезе и сохранявшим все тонкие штрихи, придававшие работе шарм. С материалом, имевшем свой непростой характер. С материалом, который обычный человек с хорошим ножом сможет лишь оцарапать. Если позволяло время, не пользовался ничем, кроме своего инструмента. Сбранного поштучно, разные мастера, хорошая сталь.

И этот путь — от первых штрихов толстого карандаша на грубой неподатливой заготовке до состояния, когда твердое и капризное дерево становится пластичным как глина, воспринимая каждое твоё движение и желание — накладывался тонкой калькой на нынешние незнакомые тропы. Он просто чувствовал этот путь, как абориген воду. После нескольких жен и еще более нескольких романов он стал ценить этот щедрый дар, полученный при рождении.

Настойчиво завибрировал телефон.

Угу, какой он тебе, нафик, телефон. Телефон это: «Алло! Барышня, соедините!» А тут гаджет навороченный з далонь памерам. Можно было поболе взять, но, имхо, чел, говорящий в девайс размерами з рыдлеуку выглядае ня вельмі. Буржуйские словечки вроде «смартфон», «айпад» прижились только в рекламе. «Айпад, упавший в унитаз, удлиняет руку

на 20 сантиметров». Накшталт того. А может это все возраст. Старая собака и новые трюки. А может, и нет. Про возраст думать не хотелось.

Номер незнакомый.

— День добрый! (Привет из прошлого — незнакомые заказчики не звонили уже лет восемь, а слова вылетают на автомате.)

— Слушай, Винс...

— С кем я говорю? (Еще один привет)

— Ты просто слушай, ок? Мне нужен трекер. И я звоню тебе.

— Почему?

«Мелочь типо я обычно не подставляю. Но и заказчики с неба не падают. Но деньги нужны». Сколько Винс себя помнил, с тех пор как забрали служить, деньги нужны были всегда. И если в войсках это была темпорари проблем, то на гражданке стала перманент. Чертов заводной апельсин.

— Юра поручился за тебя.

— Юра, который кто?

— Юра, который «Блюз».

Кафе «Блюз»* снесли задолго до того как случился крэш, и чел либо был в теме, либо и так знал много. Трубку вешать не стоило.

* Кафе-бар «Блюз» был построен на месте кафе-мороженого «Пингвин». Сейчас на этом месте стоит гостиница «Метрополь».

— Аванс?

— Расчет по факту.

В телевизоре раньше в этом месте звучало «Пи-и-и-п!». Но старое правило гласило, что нельзя посылать заказчика, пока он заказчик. И нельзя хамить незнакомым людям. Вообще, вежливость обычно прокатывала в 40% ситуаций. Еще 40% спасал кастет. На оставшиеся 20% повлиять было нельзя и приходилось принимать их as they are.

— Я так не работаю, знаете ли.

— Пять листов.

— ОК. Когда нужно?

— Неделя.

— Параметры?

— Сегодня получишь.

Без аванса работать конечно не стоило, но работа стоила не больше двухсот, и если зак собирался заплатить меньше, чем триста, то он совсем уж пачвара нейкая. Впрочем, таких Винс уже встречал. Даже чаще, чем хотелось бы. Но деньги были нужны.

Забавно. Голос вроде молодой. Satoshi Nakamoto в итоге деклассировал национальные валюты до состояния рудимента. Ими платили бюджетные зарплаты и в них пока еще игрались на биржах. Банкиры стали похожи на английских фокс-хантеров в XXI веке — вроде как круто, но нафик никому не нужно. Винс, как и все нормальные парни, работал за bitMoney. И предложение в листах последний раз слышал даже не вспомнить когда. Надо спросить Юру, кто такой.

— Би-и-п. Абонент временно недоступен.

Винс до сих пор адчуваў захапленне, карыстаючыся мобільніком. Не, девайс, конечно давно стал привычным спутником, проще было забыть обуться, чем оставить дома телефон, но он помнил (как, наверно, каждый помнит, свою молодость) когда нужного человека надо было полдня пільнаваць каля дома ці кабинета, и о времени звонка надо было договариваться. Сегодня слова «абонент недоступен» воспринимались как какой-то нонсенс или сигнал тревоги (по обстоятельствам). Сейчас было тревожно. Юра не менял номер и не отключал трубу со времен «Блюза». А сеть ловила везде.

Выйдя на проспект (Ленина? Скорины? Победителей? Президента? — чехарду названий Винс запомнить даже не пытался. Он родился и вырос в этом городе и ощущал себя выше этой суеты — проспект был проспектом — а кому неясно, пусть тот и парится), он увидел огромный, похожий на бронированный Икарус (ассоциация лишний раз напомнила о возрасте) полицейский автобус. Милитари-бус перегородил две из шести полос. Можно было бы объехать, но никто и не пытался. Обычное дело — проверка документов.

Вот так, пакистан-бангладеш, и не скажешь, ці пашанцавала табе, что я тебя принял, а не они. Разное говорили про сборочные цеха Заводского района, и уж совсем разное — про цеха БелАЗ. Уточнять не хотелось. Да и не у кого — местные там давно не работали, а те кто работали... Да и кто их видел-то, вообще. Бангладеш-пакистан.

Но если подумать, Икарус — не самый плохой вариант. Лабусы вон на границе свирепствуют, но непроходимых границ не существует. И с каждым годом непроходимость уменьшается. И с каждым годом их фермерская ассоциация (единственные, кто там вообще что-то производит) закупает все меньше удобрений. И урожайность у них все выше. И мигрантов у них все меньше. Факты упорно не хотелось связывать.

Винс спокойно положил руку на сканер. Действительно забавно. Когда после теракта в 2000-х у всех дееспособных мужиков в стране сняли отпечатки пальцев — гэта было неяк крыўдна. И что совсем забавно — никто не попробовал возмутиться, как в антитоталитарной Европе. Хотя тогда — это вам не сейчас. Смешно даже.

Только если подумать — а кому было возмущаться? Заводчанам (ну да, были тогда еще местные заводчане) все фиолетово — яны ж ня кепскія люди, их завод просто поломал — все по свистку, мозги в раздевалке, аванс-получка. А парни накшталт Винса получив повестку (там же не сказано «Зайдите, если не сложно. Дактилоскопируйтесь, если не возражаете» — просто повестка с предложением «явится к 10:30 по адресу»), слегка писались от волнения, одевали неновую одежду, оставляли гаманец дома и шли. И услышав: «Будем писать письменный отказ или откатаем пальчики?»... Карацей, Винс ня чуў, каб нехта адмовіўся. Даже те, кто работал легально (ну, как бы «легально» и «по всем законам» — это чуть разные вещи).

Ну да. А сейчас твои пальчики в базе (с пометкой о добровольной сдаче) — это как индульгенция за очень многое. Вроде как ты гражданин, и до крэша был гражданин, и ўвогуле, калі уж тебя трясти — то кого ж тогда на волі пакінуць. И на фоне полного автобуса парней, у которых не то что пальчиков в базе, а и даже паспорта нету, на твой кастет смотрят паблажліва и рюкзак не трясут. Но эт если автобус полный. А ежели пустой — тут уж как фишка ляжет.

Винс не разделял гулявшей по сети ненависти к полиции. Ребята, работавшие во Франции рассказывали о тамошних порядках — вот там совсем караул. Черные патрули, сикхи, китайские патрули — цвет кожи или знание сур определяли вернешься ли ты сегодня домой. Заводы Рено вернулись на родину и каляровыя парижские кварталы почти опустели. Если человеку вживить пару чипов, даже негр преклонных годов сможет принимать заготовки с конвейера. Или собирать виноград.

Вообще-то Винс уважал, ну, может, не уважал, а ценил этих ребят, набитых в автобус. (Он даже сточил шипы у кастета и проклеил его толстой полосой кожи.) Они были мазутом Старого Света. Единственной силой, благодаря которой еще крутились колеса оставшихся заводов и фабрик. И если тут они транзитом (некоторые, во всяком случае), то Европе они были нужны, как нефть шейхам прошлого века.

Он еще раз оглянулся на бронированное чудище посреди проспекта и припомнил недавний проект, в который чуть не ввязался. Артур подкинул. Хороший парень, в школьные годы тренировались вместе. Текстурировать модели по фоткам из паспорта. Нудная работа, но платили. Буржуи, что радовало, но — из конторы, што турбавала. Пробил проект через знакомых и соскочил. Нельзя этим неграм и арабам вместо уехавшего родственника компьютерного бота подсовывать. Даже если мультикультурализм отмер вслед за национальными валютами. Не за такие деньги.

Сеть — великое дело. Реально круче, чем колесо. Изменила мир сильнее и быстрее. Мир стал маленькі і празрысты. Сеть давала работу всем. Ну, всем, кроме ребят из автобуса без паспортов.

Глава II

Впереди, возле «Батлейки» млява варушылася небольшая толпа са сьцягамі і мегафоном. Не обращая на них внимания, бронзовый почтальон, опершись о велосипед, читал свою газету. Винса всегда веселил сюжет памятника. Почтальон, читающий чужую почту. Газеты, письма, шифровки всякие. Каждый день новости. У памятника жизнь интереснее, чем у тебя.

Студенты из универа обтекали толпу с мегафоном по длинной дуге позади кинотеатра. Мамы с колясками и небольшими детьми, проходя мимо, переходили на шпаркі вайсковы крок, торопясь миновать ее поскорее. На улочке ім'я очільнику Гетьманату лениво курил патруль у своего катафалка.

Парадоксы городской топонимики. Улица имени керівника Хмельниччини есть, а гетман Януш* — племянник святой Софии, первый хозяин знаменитой летописи, герой «Кровавого Потопа», оборонявший Вильню от восточных и пытавшийся разорвать Унию с Польшей, дважды громивший військо Запорізьке под Лоевом — как-то проскочил мимо кассы.

* Януш Раздзивилл (1612-1655) — великий гетман Литовский. Его именем названа Радзивилловская летопись, иллюстрированное многочисленными миниатюрами. В июле 1649 года во главе 7-тысячной армии разгромил в битве под Лоевом 20-тысячное повстанческое войско Михаила Кричевского. В 1651 году снова под Лоевом разбил казацкие полки Мартына Небабы, затем вторгся на Украину и захватил Киев. Во время «Кровавого Потопа» — войны с Москвой 1654-1667 гг. руководил обороной Вильны от русских войск. В 1655 году заключил со шведским королём Карлом X Густавом Кейданскую унию — соглашение, по которому Великое княжество Литовское выходило из состава Речи Посполитой и вступало в федеративный союз со Швецией. Племянник св. Софии Слуцкой, чьи мощи лежат в минском Кафедральном соборе.

Не то, чтобы Винс был фанатом истории или краязнаўцам-аматарам. Но однажды его обидно провели мордой по батарее и ягоны гонар быў балюча пашкодваны. Самое крыўднае, что это сделала маленькая девочка и совершенно зьянацку. К Ашоту Арташесовичу приехала племянница. «Привет!» — сказал Винс. «Привет, — сказала девочка, — я армянка. На нашу гору Арарат приплыл Ной. А ты кто?» Кроме партизан и трактора в голову ничего не лезло. Он тупо улыбнулся и прикинулся глухим. Никто, кроме него на инцидент не обратил внимания, но Винса заклонило. Он не любил второй сорт. Ему нравились хорошие, качественные вещи. И осознать, что в слове Adidas нет буквы «b» было больно.

Винс собирал красивые имена. Кроме Ашота Арташесовича в золотой копилке были Абды Ходжибердыевич — ветлівы, всегда улыбающийся риэлтор и Мечислав Вячеславович — глыба-человек, таких сейчас не делают. Страціўшы надзею зразумець логику его имени-отчества, окружающие обращались к нему «Мечиславович».

Читать и драться на ринге казались ему одинаково отстойным делом. Не вообще, но применительно к себе лично. Но когда внутреннюю гармонию нарушало уязвленное самолюбие, статус-кво должно было быть восстановлено. І кошт ня меў важкасьці. Уяснив, что плохо поставленный удар мешает быстрому завершению ненужных споров, он год мотался в обшарпанный зал в тупичке на Прилуках. На задворках кожвендиспансера растили чемпионов Европы и мира.*

* На Прилуках тренировки по муай-тай ведет чемпион Европы, трехкратный чемпион мира, чемпион мира среди профессионалов (WKN) по тайскому боксу, победитель международных профессиональных

турниров по кик-боксингу, К-1 и смешанным видам единоборств Юрий Булат: «Беларусы маюць ген ваяроў, яны генетычныя ваяры».

Продираться сквозь длинные исторические тексты было не намного легче. Когда кто-то заглядывал через плечо на монитор, он стеснялся, краснел и посылал любопытного ў шмоньку. Потом наловчился быстро выкидывать на экран заставку от Brazzers и успокоился.

Через полгода он уже мог бы дать девочке красивый внятный ответ, но к этому времени его с Ашотом пути разошлись. На заузное чтиво Винс не подсел, однако на всех этих литвинов и сьвядомых змагароў стал смотреть чуть поиначе. Такие сухопутные Paul Watson & Co — незразумелы рух у ахову китов. Неруш ботаников с огнем в груди.

Эти ребята у «Батлейки» с флагами и плакатами «Адрадзім Генрыкавы Артыкулы!» выглядели именно так — как ботаники в сельском клубе. От быстрой принудительной эвакуации их спасала наивность экс-поселян в патрульной форме. *«"В случае же, если мы (от чего, Боже, сохрани!) не выполним этих статей или условий, или учиним что-либо вопреки им, законам и вольностям, то всех жителей королевства и великого княжества объявляем свободными от должного нам повиновения и верности»**. Ахахах. «Введем education qualification для покупки пива!». И жив ты до прихода перакладчыка-тлумача.

* Генриковы артикулы — документ об ограничении королевской власти в Речи Посполитой, который на избирательном сейме 20 мая 1573 года подписан именем первого выборного короля (Генриха Валуа). Подтверждались всеми последующими выборными королями (документ отменил право наследования трона). Параграф 17 гласил: *«"В случае же, если мы (от чего, Боже, сохрани!) не выполним этих статей или условий, или учиним что-либо вопреки им, законам и вольностям, то всех жителей королевства и великого княжества объявляем свободными от должного нам повиновения и верности»*.

Казалось, они пришли из того далекого времени, когда по проспекту неспешно проезжали шляхецкія рыцари и небо было бел-чырвона-белым. Мегафон тоже был из тех далеких времен. Ему даже было их немного жаль — любой уличный музыкант со своей переносной акустикой или с одним тамбурином перекрыл бы шум их нестройных голосов не напрягаясь.

«Винсент! Винсент Криштоф!» — почтительно окликнул его прокуренный голос. Казик был невысокий, щуплый и какой-то неубиваемый. И вечно стреляющий сигареты. Хоть бы табак возвращал. Табак Казик не курил.

Судя по тапочкам — снова определился в Первую городскую и снова свалил из больничной палаты на шпацир.

Винцент Кристоф. «Поляк?» — обычно сразу спрашивали знакомые с востока. «Тутэйшы, — отмахивался Винс, — не парьтесь». Хотя обычно представлялся по ситуации. Для восточных — Виктор. Ну, если по отчеству, то Викентий или Виктор Иванович.

И да — любителям прокричать "Віват, найяснейшая карона!"* или рассказать анекдот про помидор Винс сразу пробивал в печень. Не сильно, но так — для памяти, что этот номер несвеж.

*Винцент Дунин-Марцинкевич (Виктор/Викентий Иванович Дунин-Марцинкевич; 1808-1884) — белорусский писатель и драматург, классик белорусской литературы. В финале его пьесы «Пинская шляхта» герои кричат (апрача тых, што б'юцца): «Віват, найяснейшая карона!»

Вообще забавно вышло с этими именами. Не в строчку тут эта длинная история, но раз начал, надо бы продолжить.

Раньше все были вроде как «русские и православные». Но когда «карта поляка» обороты набирать стала, кинулись польские корни искать. Не то, что бы непатриоты — выживать как-то надо. Тут же как — Край и Польша 520 лет* были в одном государстве. Пашукаеш — знойдзеш абавязкова.

С восточными втрое меньше в одной стране жили — 196 лет*, если точно. И то у каждого второго бабушки-племянники за Смоленском найдутся.

* ВКЛ и Польша состояли в личной унии (союзе государств, возглавляемых одним лицом) от Кревской унии 1385 до Люблинской унии 1569 года. После Люблинской унии были частью конфедеративного государства Речь Посполитая. После разделов Речи Посполитой и Наполеоновских войск Северо-Западный край и Царство Польское были в составе Российской империи.

* Беларусь, как Северо-Западный край вошла в состав Российской империи после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году.

«Литвины» опять же няўрымслівыя. И вроде немного их, и не агрессивные — але ўпартыя. То руины какие-то вытащат на свет божий, то фэст замулят. И обыватель ведется по-тихому.

А когда Папа приехал — это вообще отдельная песня. Высший пилотаж от верховного. Как зусім блага стало — приравнял восточный патриархат

к «иностранным корпорациям» и налоги платить заставил. Те возмутиться попытались, на духовность давить. Припомнил все сразу — и землю халявную, и луковки на храмах униатских, и налог на недвижимость, и алкоголь без акциза. Поднабралось, в общем. Заставил вернуть все взад. Вместе с аутентичными куполами.

Под эту бучу греко-католики — ну, униаты которые — акрыялі. Они ж неприхотливы, как блоха. Им этими потоками финансовыми рулить без надобности. Да и привычки такой нет — как разогнали их двести лет назад, так и скитались по углам непрытомные. А тут снова шестьдесят процентов паствы пасти.

Теперь уж верховный смог и Папу самолично пригласить, не ожидая одобрения восточного патриарха. А когда Папа речь на мове задвинул — змагары в костел пачками повалили. Или в церковь. Без разницы. Униаты тоже на мове имшу ведут.

И как-то все развернулось с востока на запад. Не, на границах все по-старому осталось — з усходу наркотрафик без таможи, на захад на шопинг и концерты через погранцов с собаками и сканерами. Но некий тренд все же случился. С именами, к примеру. «Пети» и «Сережи» кончились на корню. Тетки в ЗАГСах сначала святцами отбивались. А потом плюнули. Так что — Винцент Кристоф. Или Виктор Иванович. Все по паспорту.

«Вітаю, Казимир». Первая городская больница гордо стояла на другой стороне проспекта, прикидываясь продолжением академических корпусов. Казик ложился туда через свои многочисленные связи, когда очередной раз не мог подыскать подходящую работу. Ему бы жить в Америке времен великой депрессии — мелкий бизнес на/под/чуть-чуть за гранью закона. С депрессией он угадал, со страной — нет.

Стрельнув сигарету и поинтересовавшись как дела, Казик заговорщицки оглянулся и начал: «А знаешь, мне предложили...» Винсу стало скучно. Схемы Казимира были рассчитаны на каких-то идеально честных и наивных людей. Он был реально неубиваемый идеалист. «Ты Жабраков турикам впарить не пробовал?» — спросил Винс. «Жабраки» — такой здоровенный золотой статуй напротив нового Софийского собора. Гордость республики.

Казик погрустнел, затынулся, немного подумал и, глядя куда-то в сторону, спросил: «Ты ж вроде в истории хорошо разбираешься?» Винс шпилек не терпел. Не от Казика. Помогая кряхтящему небараке подняться с теплого асфальта, поинтересовался: «И зачем вот это тебе

надо?» «Всегда было интересно — почему Полоцкая София стоит в Витебске?» — отряхиваясь, застенчиво пробормотал Казик.

Новый старый Полоцкий Софийский собор построили в Витебске* недавно. Очень нужно было «столп святой Руси» замутить. И чтоб памятник святителю рядом обязательно. Почему не в Полоцке? А он (Полоцк) не кошерный какой-то. Там святую Софию князья-язычники* возводили — один волховал, другой (его сын) волхованием рожден и колдуном прозван. Звания «святого» ни один не удостоился. И с остальной «святой Русью» бились они с *«расовой неприязнью»**

* Проект строительства Полоцкого Софийского собора в Витебске для РПЦ и выделение земельного участка под него утвержден и согласован в 2014 году.

* Князья Брючеслав (княжил 1003-1044) и Всеслав-Чародей (княжил 1044-1101). В их правление был построен Полоцкий Софийский собор в 1020-1050 гг.

* *«В вековой распре Ярославичей с Рогволодовичами есть что-то расовое»* — цитата из «Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском», Веселовский А. Н. 1906, стр. 22-23.

По всей «святой Руси» в то время святые множились — св. кн. Владимир, св. кн. Ольга, св. Анна Новгородская, — а тут один Торвальд-вандроўнік, и тот исландец.

* Торвальд, сын Кодрана, Торвальд Вандроўнік (950, Исландия - 1002, Полоцк, Беларусь) — легендарный христианский миссионер, путешественник, основатель монастыря святого Иоанна Крестителя в Полоцке в 985 году. Его походы описываются в исландской "Пряди о Торвальде Путешественнике", которая содержится в "Саге о крещении", "Саге об Олаве Трюггвасоне" и "Книге с Плоского острова".

А в Витебске вроде как св. княгиня Ольга бывала. Можно статую ставить. Вот и стоит она напротив собора — с цыбулиной в руке, а за ней православный люд. Золотом сияют на мраморном постаменте.

Витебск городок небогатый — сорок процентов населения республики и восемьдесят процентов денег в Минске крутится. А храм на месте единственного парка построили. Змрочныя жыхары статуй сразу «Жабраками» прозвали — «сами мы не местные...». Спервоначально им на шею по ночам ящики для пожертвований привешивали. Но патрули безобразия прекратили быстро.

Так и стоят они — крещеный языческий камень* сына Чародея у старой Софии, и золотые «Жабраки» у новой.

* Борисов камень — один из десятка Двинских камней, памятника эпиграфики XII века. Огромные (до 4 метров) валуны с выбитыми на них крестами и надписями. Их назначение связывают с массовым "крещением" языческих капищ в Полоцком княжестве. Самые известные из них — Борисов камень (стоит у Полоцкого Софийского собора) и Рогволодов камень (был вмурован в пол церкви, взорван при демонтаже здания в 1930-х годах). Надписи выбиты в правление князей Рогволода-Бориса и Рогволода-Василия — сына и внука Всеслава-Чародея — первых полоцких князей, носивших языческое и крестильное имя.

«Это для гостей летнего карнавала. Им в Полоцк влом ехать, а в старые городские церкви все не влазят», — пояснил Казику Винс. Казик дакорліва посмотрел на него и протянул пошарпанный лок-бокс (даже непонятно, откуда он его вытащил): «Славику передашь? Оплата на месте, он будет ждать».

_Глава III

Славик обитался в Датч-хаусе над Троицким, возведённом в историческом сердце города. Датч-хаус или Дом Клауса — ещё на памяти Винса этот дом был жудасным курятником*, нависавшим над симпатичными домишками.

* Жилой комплекс «У Троицкого», или «Дом Чижа», был построен в 2012 году. Он настолько неудачно вписался в городскую застройку, что в туристических буклетах до сих пор используют старые фотографии, где его ещё нет в кадре. При его строительстве были *«грубейшим образом нарушены сразу несколько статей Закона об охране историко-культурного наследия. Безвозвратно уничтожены историко-планировочная структура квартала, ландшафт, без изучения остался культурный пласт.»* А. Астапович, Председатель Президиума Республиканского совета ОО «Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры»

Таким бы он и остался, если бы не пешы шпацыр верховного с «другом Клаусом» по Верхнему городу (жителей временно эвакуировали на народные гулянья в Шабаны). Господин Клаус заметил, что «дас шайсе, уродующее старую застройку, у них давно научились безопасно цершторен». И предложил выкупить дом и прислать свою команду. Как просвещённый европеец, верховный небрежно кивнул. Дом выкупили, а

перед «цершторен» — по просьбе Клауса — отдали на год под проживание голландской коммуне художников.

Этот год, по евро-договору, коммуна должна была провести в очередной европейской столице. Очередная столица дала понять господину Клаусу, что вытерпит что-то одно — или коммуну, или Клауса. Компромисс был найден, а на недовольство авангардистов всем было абсолютно шпукен.

Недовольные авангардисты поставили условие — они ейн крумхен репарирен этот дом. «Его вид делает нидердрюкен наш гейст». И затребовали строительное оборудование. К концу работ прорарб, следивший, что бы художники не спилили несущие конструкции, стал хорошо разбираться в современном искусстве, сортах травы и немножко седым.

Сроки были сжатые, фронт работы велик, азарт авангардистов и количество их знакомых неабмежаваны. К концу года на стройке побывал каждый белый европеец, умевший держать кисточку и открывать третий глаз.

Аура незвычайнасьці падзеі распаўсюджвалася абапал будынку. Даже патрули ходили улыбчивые. То ли от сопричастности, то ли трава пробивала из открытых окон. Улыбчивых быстро отправили в Жодинское гетто охранять заводские корпуса, и выраз дзяржаўнага твару быстро пришел в норму.

Через год стремноватый арт-объект хотели объявить дзяржаўным здабыткам и снова заселить, но господин Клаус пригрозил выполнить контракт до конца и учудить «цершторен». Ссориться не хотелось, и Датч-хаус продолжал функционировать, как богемный офшор, живя по законам, которые Винс не понимал. Он был технарь, а не художник.

А Славик был ему нужен. Предстоящий коннекшн интересовал его только как працяг суразмовы са Славиком. С лок-боксом начало беседы становилось проще. «Что в нем?» — спрашивать было не принято. Или берешь или нет. Тут важно — кто получатель. Иногда было очень неразумно дожидаться unlock. Пару раз Винсу приходилось брать с собой на доставку очень неприятных ребят, чтоб убедить получателя не адчыняць скрыню пры ім.

От Славика проблем не ожидалось. Он был амбициозным художником, непризнанным низвергателем авторитетов, порой удачно пристраивавший свои работы на выставках более мобильных коллег с паспортами евро-зоны. Буйным он становился после пятой рюмки, но

надо совсем с головой не дружить, чтоб в таком виде лок-бокс принимать. Так что будет общительным и трезвым. Раз «будет ждать», можно пройти пешком — время позволяло.

Винс шел мимо университетского квартала с его старыми корпусами и чугунной оградой. Мимо неспешно шпацировали студенты — каста, которой принадлежало будущее.

Разделение на касты прошло по линии дачиненья да IT. Причастные работали в технопарках и микросиликоновых кварталах. Непричастные обеспечивали бесперебойную работу заводов и утилизацию их продукции. Или были тунеядцами*. Накшталт Винса.

* Статус тунеядца (социального иждивенца) установлен Декретом № 3 «О предупреждении социального иждивенчества» от 02 апреля 2015 года

Тутэйшыя кодили на экспорт и генерили digital-art на пиратском софте. Придавленные комиссарами от Инспекции по авторским правам, индусы скрипели зубами от зависти. Тут была No Man's Land. Ничейная земля.

Страна была должна всем вокруг астрономические суммы. Попытка кого-то из кредиторов получить свое могла спровоцировать Третью Мировую. В счет долга на западных границах стояли боевые комплексы под московским триколором, на восточных — под голубыми флагами НАТО. Лабусы круглосуточно мониторили Островецкую АЭС у своей границы. Там же стоял их личный комплекс ПВО — большим братьям они не доверяли. Море Геродота* оставило после себя только истоки и верховья рек и ни одного низовья. Реки из Края вытекали, але ж не втекали. Попытка выплатить долги вызывала сокращение зарплат и бегство персонала с эко-опасных объектов. Вынікі здарэнняў реки уносили к соседям. Хохлы мониторили и прикрывали с воздуха Мозырский НПЗ — апошняю нафтавую пляму ловили до самого Киева.

* Море Геродота — обширный водоем, существовавший на территории Полесья, исторически разделявший белорусский и украинский этносы (сарматов и скифов в античности). Названо по имени древнегреческого «отца истории» Геродота, впервые упомянувшего его в своих трудах. На картах отмечалось до начала XVII века (карты Меркатора, Мюнстера, Лафрери), однако уже именовалось Sarmatian Lago (озеро) или Sarmatian Palus (болото). На его берегах современники размещали Lithuania Propria (Литва истинная).

На территории Края в зоне ВУ не действовало авторское право и не выживали вирусы. Клуб тутэйшых цифровых миллионеров-эмигрантов скинулись и сделали своим не столь удачливым (или просто более молодым) суайчыннікам подарок — краевы файрвол. Вирусы дошли все, от Касперского до китайских червей. Попытка удаленно проверить лицензию на софт вызвала примусовы «format c:» у любопытного. Местное Управление-К выразило недовольство, но приватная беседа с представителем китайской корпорации, поставляющей и контролирующей все тутэйшае железо, свела недовольство на нет.

Представителя Поднебесной не парили 10 млн жыхароў, он переживал за 300 млн китайцев и судьбу национального достояния — RPG «Династия» от клуба эмигрантов. «Династия» охватывала период от Тянь до Цин, действие было перенесено в Лондон, и на игру подсел каждый четвертый. Так что выракаць на пакуты 10 млн чужынцаў и рисковать получить в очередном аддоне какого-нибудь неистребимого норманна-завоевателя ему было совсем не интересно.

Вообще, конечно, страну давно могли конфисковать за долги. Но все понимали, что тогда половина населения эмигрирует (и их везде примут радостно), а оставшиеся поголовно сядут на пособие — пособие по безработице у любого из кредиторов было выше их зарплаты. Окружающий разумный мир решил, что ежегодные кредиты на содержание заводов, утилизаторов и патрулей — гэта ўсё ж таньней, чым Мадагаскар с АЭС и оружейными заводами в центре Европы.

На перекрестке экспресса «Москва-Берлин» и «пути из варяг в греки» по негласному соглашению сторон появилась No Man's Land, черная дыра для кредитов и эмигрантов, буферная зона со своими, порой малопонятными законами.

Трэба бога любіць і д'ябла не гнявіць — бо і д'ябал спатрэбіцца. Вязкий и текучий, Край стал No Man's Land.

Тут ведь как. Не воздух, не вода и не огонь. Вроде нет, но где-то есть. «...чтоб Край наш воспрянул с гордостью во славе, а не в ярме!» один раз сто лет назад напечатали. И автор давно отсидел, и редактор. Но всплывает же при случае. Хоть и из сети вычистили и материальных носителей не имеет. «З нетраў», можно сказать.

Винс вспомнил строчки из старого забавного артыкула.

«В этнографическом типе его много расплывчатости, неопределенности. Эта неопределенность объясняется не молодостью его племени, как

думают некоторые исследователи (тысячелетие исторического существования не есть молодость), а отсутствием интенсивной духовной жизни.

Он не знает русского «авось». Он всю жизнь повторяет «а зараз»... и никогда не торопится. Он более всего любит покой и обожает праздники. Он необыкновенно терпелив...

Он принимает смерть пассивно, твердо веруя, что она «написана на его роду» и приходит в неизвестное, но заранее predetermined время.

Он более индивидуален по своей природе, чем соседние с ним... Одной из общих психических черт его должно признать его недоверие к окружающим людям, кто бы они ни были.

Нежная сердечность, готовность отдать все свое существо чередуются в нем с черствостью и ненавистью. Обидеть пана, обсчитать, нанести ему незаметный, но верный вред — до сих пор считается у него самым естественным явлением, чуть ли не добродетелью...

В крайних обстоятельствах он выходит из себя, идет напролом, как медведь его глухих лесов, и в запальчивости способен на всякия преступления.

*Контраст, соединение крайностей, противоположностей, вот закон, который приходится констатировать, говоря о его характере: в нем соединяются и сила и слабость, упрямство и мягкость, жесткость и кротость, безчувственность и доброта, жестокость и великодушие... Все эти противоречивые свойства уживаются в его типе и проявляются, смотря по обстоятельствам — предъявляемым борьбой за существование.» **

** Ф.Кудринский «Белорусы»*

Когда читал первый раз, сразу вспомнилась kazaken-history. Почти точно по тексту. Пока «опора святой Руси» в разноцветных фуражках на кониках по агрогородкам иконы возила — выходили посмотреть поселяне. Кірмаш опять же, крамы са зьніжкамі. Такое свята местечковое.

Когда с местными пацанами по лесам с автоматами бегали — кривились, но вздыхали: «Все лучше чем дурь по подворотням курить. В войсках, опять же полегче кровинушке будет».

А когда тех же пацанов в поход «за дело правое» забирать стали — начали зьнікаць казачки. Не так, чтоб совсем — где-то кони сдохнут,

где-то ружье на привале пропадет. Ну, которые совсем бодрые — те да, совсем. А патрулям что. Есть указ «О незаконных формированиях» — значит, формирований нет. Нет, так и нет.

Глава IV

Он шел, рассматривал прохожих и неспешно ўзважаў новости — недавний звонок, лок-бокс для Славика, предстоящий коннекшн, зварушлівыя прапановы Казика. «Многовато для одного дня, — сигаретным дымом плавала мысль. — Один день — одно дело».

Усялякія прапановы ўвогуле норовили приходиться пучками. То быешься, пытаешься хоть что-нибудь выпепить, то разгребать не успеваешь. Однако, первый шаг должен быть твой. То ли примета такая, то ли закон вселенной.

Таким шагом на сегодня он лічыў дамову пра коннекшн. Дамовіцца было несложно. Сложнее было что-то получить от мероприятия. Але ж сказано: *«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам»**. Але ж *«Не плачь, не бойся, не проси!»** утверждала свинья Роджера, улетающая в дождливое небо над венцом земли* под аплодисменты самой интеллигентной публики.

* *«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам»*
Евангелие от Матфея 7:7

* *«Не плачь, не бойся, не проси!»* было написано на надувной свинье, запущенной Роджером Уотерсом, одним из основателей группы Pink Floyd, во время концерта в Санкт-Петербурге 06.06.2008. Фраза представляет собой измененную арестантскую заповедь *«Не верь, не бойся, не проси»*, впервые упомянутую в рассказе В. Шаламова «Одиночный замер» (1955) из цикла «Колымские рассказы» о жизни заключённых ГУЛага.

* Ландскрона (швед. Landskrona — «венец земли») — крепость, основанная в 1300 году шведами на Охтинском мысу. Позже там была построена шведская крепость Ниеншанц, еще позже — Санкт-Петербург.

Диалектика, знаете ли. «Логическая форма и всеобщий способ рефлексивного теоретического мышления, имеющего своим предметом противоречия его мыслимого содержания»*. Ахахах, очень смешно, академики.

* «Диалектика – логическая форма и всеобщий способ рефлексивного теоретического мышления, имеющего своим предметом противоречия его

мыслимого содержания» определение из «Новой философской энциклопедии», ИФ РАН

Подходя к площади, где дядька Якуб* задумчиво смотрит на филармонию, Винс почувствовал привычное восхищение. Не, не какой-то там экстаз про высокое. Как технарь, он благоговел перед логикой и красивыми решениями. Поставить памятник автору «Дрыгвы» на месте непроходимого болота, сделать это с размахом и превратить территорию Болотной станции в один из нервных узлов города — в этом было что-то красивое, логичное и не сиюминутное.

* Площадь им. Якуба Коласа, классика белорусской литературы, автора хрестоматийной повести «Дрыгва» (трясина) с памятником писателю в окружении его литературных героев. Расположена на месте Комаровского болота, где ранее была Болотная станция, предназначенная для изучения и практического использования болот Российской империи.

Запахи из летних кафе навевали легкий голод. Под зонтиками открытых кафе люди жизнерадостно что-то ели. Дела и планы звали вперед. Винс порадовался, что извилистый путь его змеился в компактном городском центре.

Город рос стремительно. По размерам и населению он давно перегнал бывшую столицу Края — она воспринималась теперь, как удаленный микрорайон, куда стоит ездить на концерты и шоппинг. Благо, до нее было гораздо ближе, чем до любого из своих областных центров*. Несмотря на стремительный рост, город никак не мог избавиться от своей провинциальности. Ему очень хотелось «быть как все».

* Население Вильнюса (столицы ВКЛ и Северо-Западного края РИ) составляет 540 тыс. чел., население агломерации Минска — 2650 тыс. чел. (на 2015 год). Расстояние от Минска до Вильнюса 186 км. До Гродно — 280, до Бреста — 350, до Витебска — 289, до Могилева — 198 км.

Возможно, не «несмотря», а именно из-за этого самого роста. Наплыв недавних еще поселян формировал тренды и вкусы. Традиционная городская культура традиционно была в андеграунде. Пугливые уличные музыканты, играющие танго и разухабистая попса над «народными гуляньями».

Проходя мимо «Бульбяной»*, ныне деклассированной до «пирожковой-на-вынос», вспомнилась забавная история про привычки и стереотипы, пирожки и картошку.

* Ресторан «Бульбяная» – «визитная карточка белорусской национальной кухни – заведение, бережно хранящее историю и вкусовые традиции белорусов». В 2011 году перепрофилирована в заведение сети кафе-пироговых.

Как-то, к приезду восточных приятелей, Винс напрягся и замутил шанежки*. Первый противень изделий был встречен с возмущением и хохотом. «Ватрушка* с картошкой! Ахаха! 101 рецепт тутэйшай кухни — взять любое блюдо и заменить любой ингредиент на картошку!» Попытки переубедить весельчаков, что это традиционный сибирский рецепт от бабушки, успеха не имели и от дальнейшей готовки он был отстранен.

* Шаньга — круглые открытые пирожки с начинкой из картофельного пюре, творога или каш. Традиционное блюдо Урала и Сибири.

* Ватрушки - круглые лепешки, открытые сверху и защипанные только с краев, обычно с наполнителем из творога, реже - из варенья или повидла.

Возле ЦУМа редкие туристы делали селфи на фоне входной шылды. Свьядомым удалось сдвинуть «сакральную дату первоосновы» с 1945 года до 1920-го. Как в «начале начал» вернулось чатырохмоў’е*. И вывески на четырех языках веселили приезжих и попугивали местных. Загадочные иероглифы идиша теперь были не только на обширных кварталах старых могілак, але і на ўсіх гарадзкіх шылдах.

*После опубликования "Декларация о независимости БССР" в 1920 году на протяжении 16 лет в республике было 4 государственных языка — белорусский, русский, польский и идиш.

Глубже 20-го года «сакральную первооснову» сдвинуть не удавалось. Погружаться дальше было опасно и неполиткорректно. Сначала пепел Вацлава* и Станислава* начинал биться в грудь, потом начинали обижаться восточные соседи. Это девальвировало их национальный праздник — уход тутэйшых из Кремля*. Которых они упорно называли поляками.

* Вацлав Ластовский — (8.11.1883 – 23.01.1938) — белорусский писатель, общественный и политический деятель, академик НАН РБ, историк, филолог, Премьер-Министр Белорусской Народной Республики, директор Национального Исторического Музея РБ. Расстрелян в 1938.

* Станислав Булак-Балахович (22.02.1883 - 10.05.1940) — военный и политический деятель эпохи Гражданской войны, генерал Белой армии, один из лидеров вооруженного сопротивления большевикам в Беларуси.

Главнокомандующим вооруженными силами Белорусской Народной Республики 1918-1919 гг.

* 4 ноября — День национального единства в России. В этот день в 1612 году из Кремля ушли войска в. гетмана Литовского Яна Кароля Ходкевича и гетмана коронного Станислава Жолкевского. Деулинское перемирие, возвратившее Смоленск в ВКЛ, подписывал в. канцлер Литовский Лев Сапега.

Вообще, все соседи свято убеждены, что воевали с кем-то, кто сейчас от них через две границы. Хохлы под Лоевом с лабусами бились, а восточные за Смоленск — с ляхами. С тутэйшымі не воевал никто со времен языческого князя-ваўкалака*, построившего полоцкую Софию. Тогда да... *«Непрерывная борьба между Рогволодовичами и Ярославичами, примеров жестокости которой нет в нашей древней истории, разве что между русскими и половцами*...»*

* Кн. полоцкий Всеслав-Чародей (княжил 1030-60). «Слово о Полку Иогореве»: *«... рождень оть волхования... Всеславъ князь въ ночь вльком рыскаше»*. В его правление завершено строительство Софийского собора в Полоцке.

* *«Непрерывная борьба между Рогволодовичами и Ярославичами, примеров жестокости которой нет в нашей древней истории, разве что между русскими и половцами*...»* — цитата из работы «Почему полоцкие князья были сосланы в Византию» МГУ им. Ломоносова, Рукавишников А. В.

А потом даже Гедымин-Гедиминас с ними не воевал. Была у них *«полоцкая свобода або Венеция, почали волно собъ жити и князей своих сами посели»**. Вроде как княжил в Новогрудке Витень, а в Полоцке брат его Воин, а потом третий брат Гедимин объединил всех. То ли дети Лютувера из полабских лютичей, то ли правнуки Рогволода*. Вроде как. Мутная история, все паспорта утрачены. А только с тех пор никто из соседей не признается, что с тутэйшымі воевал.

* «Хроника Литовская и Жмойтская», ПСРЛ т. XXXII, изд. «Наука» 1975

* Императорское Русское Географическое Общество, имевшее доступ к утраченной Полоцкой летописи, выводило родовой Гедимины от

полоцкого князя Изяслава, внука Рогволода, что отражено в труде «Живописная Россия», том 3, ч II, стр. 293, 1882 г.

При этом этнографические экспедиции от Императорского Русского Географического Общества, регулярно приезжавшие в Край на протяжении 50 лет — как атрымалі dziasiuki лісты от Яські-гаспадара с-пад Вільні*, так и зачастили профессора, — дружно писали в своих трудах, что *«народность тутэйшая сложилась уже к XV веку и занимает Могилевскую, Минскую, Витебскую, Смоленскую губ., большую часть Виленской и Гродненской губ., Августовский уезд Сувалкской»**

* Кастусь (Вінцэнт Канстанцін) Калиновский, предводитель восстания 1863 года на территории Беларуси. Dziasiuki — так начинались его обращения к народу в газете «Мужицкая правда».

* «Россия. Полное географическое описание». Т. 9, 1905 г.

Что ж, многие знания — многие печали. Для самого Винса история восточных соседей сводилась к истории двух столиц и одного холмогорского парня. «Да простят меня восточные — школьный курс давно и прочно подзабыт, а до «Истории государства» руки не дошли, да и не дойдут уже. Из толстых томов выбирал только то, что датычыцца Краю. Даруйце, калі ласка.» Ну, еще в Новгороде какая-то резня была. Это он помнил по своей поездке — надо было что-то забрать, что-то передать, и аудио-гид бубнил в ухо про голубя и крест*.

* Свинцовая фигура голубя на кресте центрального купола Софийского собора — по легенде, голубь, присевший на крест, окаменел от ужаса, увидев побоище, учиненное Иваном Грозным в городе. И пока он не слетит с креста, город будет им храним.

Вообще-то, стоило поторопиться. Когда вводные множились с такой скоростью, время начинало вести себя, как мед. «Вот оно есть — и его сразу нет».

Глава V

Переходить на другую линию метро было лень — одну короткую станцию до Датч-хауса проще было пройти пешком. Винс вышел на площади тутэйша-турецкой дружбы и неспешно двинулся по улочке, названной в честь «the great lover of the good life»*. Улица имени любителя хорошей жизни. Что может быть лучше.

* Улица имени Ф. Энгельса. В книге Т. Ханта «Marx's General: The Revolutionary Life of Friedrich Engels» Энгельс охарактеризован так: «This

great lover of the good life, passionate advocate of individuality, and enthusiastic believer in literature, culture, art and music as an open forum could never have acceded to the Soviet Communism of the 20th century, all the Stalinist claims of his paternity notwithstanding»

На площади, рядом с античным портиком дома культуры, сурово высился мрачный Аныткабир*, равнодушно поглядывая на сквер, где резвился с дивной птицей юный человек без паспорта, еще не постигший искусство тореадора*.

* Аныткабир — усыпальница основателя и первого президента Турецкой республики Мустафы Кемаля Ататюрка. Здание Дворца Республики на площади на Октябрьской площади является точной его копией.

* Александровский (Центральный) сквер имеет народное название Паниковка, поскольку там стоит скульптура «Мальчик с лебедем» или по-народному — «Юный Паниковский с гусем»

Поговаривали, что где-то в недрах мавзолея есть комната с саркофагом, но поговаривали шепотом. Красивые истории доставляли эстетическое удовольствие — городской проектный институт по заказу городского совета впарил городскому совету чужой мавзолей. Наверно, могли бы и Тадж-Махал впарить, но его часто по телевизору показывают. Могли что-то заподозрить.

Эта история по красоте не уступала избитой легенде про городской туалет* на Паниковке, которую рассказывают все экскурсоводы. Но тут присутствовал размах действия, которого не достало обманутому архитектору-одиночке.

*За отказ оплатить строительство загородной резиденции местный архитектор за свои деньги построил ее точную копию и передал городу в качестве городской уборной. Ей здание служило сто лет — с 1912 по 2012 г. Ныне это билетные кассы театра им. Я. Купалы.

Во времена своего краткого экскурса в историю края Винс ощутил символичность этого места — площади перед Аныткабиром, мощеной брусчаткой. Костел святого Князя Философов, построенный местной шляхтой на копытковые сборы*, чьи роскошь и звучание органа восхищали современников, простоявший триста лет и две мировые войны. Его раскуроченные взрывом останки дремали под черной бруксаванкой, зимой превращавшейся в центральный городской каток. Раскрасневшиеся на морозе наивные бывшие поселяне с коньками и

термосами не тревожили его сон. Яго будавалі ваяры дзеля ваяроў. Ен чакаў свайго часу.

* Костёл св. Фомы Аквинского (теолог, «наиглавнейший учитель церкви», *princeps philosophorum*) XVII века, занимал часть квартала Дворца Республики. Фундатором костела выступила местная шляхта — ею был организован «копытковы сбор» — плата за проведение коня через городскую заставу или взнос с военных трофеев по числу коней. В 1950 году был утверждён генеральный план Центральной площади с памятником Сталину в центре, и комплекс был взорван.

Лок-бокс в трофейном рюкзаке похлопывал по спине. Где-то у кого-то в руке мигал зеленым глазом трекер, отслеживая маршрут и состояние запертого ящика. «И где его Казик прятал? У него ж в балахоне и кішэняў нават ня маем», — лениво текли мысли. Кудысьці пайсьці. Штосьці атрымаць-перадаць. Нешта зладзіць. Колеси́ки в колесиках. Твои планы — часть чужих планов. В последнее время — совсем незначительная. Ты берешь на себя обязательства, тебя пытаются проверять и контролировать все, кому не лень. Ты крутишься и пытаешься выплыть, соблюдая правила по мере необходимости. Временами начинаешь ловить кайф от этого бега по непрочному льду. Але ж часам засмучвае, вядома.

Я — пасажыр. Я еду без квітка

У цягніку, набітым кантралерамі.

Я ні за што ня зьлезу зь цягніка.

*Я страціў сорам. Мне даўно ня сорамна.**

* Стихи Виктора Жибуля

Проходя по обочине транспортного моста над Свислочью, Винс по привычке оглянулся на Кафедральный собор. Из своего экскурса в толстые книжки Винс вынес несколько забавных (на его взгляд) историй, которые при случае вворачивал в разговор, выклікаючы неразуменьне суразмоўцаў. Одна из любимых вспоминалась ему каждый раз, когда он вот так оглядывался на этом мосту. Ему нравилось троллить ей истово верующих в «исконное православие». Обычно это были приезжие.

«Она родилась в семье православного и католички, воспитывалась в католической семье, вышла замуж за еретика-кальвиниста, разрешение на брак давал Папа, а венчал ее католический священник в православном храме. На ее предсвадебные разборки приперлось войск и

артиллерии больше, чем на битву при Кирхгольме. Ее мощи лежат в Кафедральном соборе, главном храме восточного патриархата, бывшем католическом монастыре бернардинок. Святая София, покровительница православия в Крае».*

* Праведная София Юрьевна, княгиня Слуцкая, княгиня Радзивилл (1 мая 1585 - 19 марта 1612) — последняя княгиня Слуцкая и Копыльская, жена подчашего литовского Януша Радзивилла, последняя представительница княжеского рода Олельковичей-Слуцких. Святая, чтимая белорусской православной церковью. Канонизирована в лике Праведных. Даты памяти: 1 апреля. В 1660 году вышла замуж за Януша Радзивилла. Между опекунами Софии — Ходкевичами (во главе с Виленским каштеляном) — и семьей жениха (во главе с великим гетманом Литовским) шла тяжба за Копыльское княжество — часть приданого Софии. Ко дню свадьбы конфликт достиг апогея. Войско Радзивиллов стояло в самой Вильне, где готовились к сражению Ходкевичи. «Во имя мира приняла Святая подвиг крестоношения в браке».

Звычайна гэта выклікала экзистенціальны крзіс — «чуство глбокага псіхалагічнага дыскамфорта пры вопросе о сьмысле сущэствавання».

Славик занямаў у Датч-хаусе невялікую майстэрскую, якую дэліў с Робэртасам, энэргічным тошым скульптарам. Творчы багаж дэміургов у састаяннн work in progress норовіў вытэсннць аўтараў у корыдор. На аляповатам класічэскім камнне, астаўшэмся ад прэжніх хазяев, стаялі потэртыя ковбойскія сапогі тнснай кожы. нз голеннща торчал даўно засохшы цвэток. Самн дэміургы снделн за ннзкнм сталам н о чэм-то ланнво спарнлі.

«Прыннмай», — Вннс паставнл рюкзак перэд Славнком н пошэл нскать чнстую емкость. Дряннь авангарднсты не пнлі, н пауза в дневном забеге была кстатн. «От Казнка, что лн? — пробурчал Славнк, отодвнгая посылку в сторону. — Говорнл же, не сунься туда. Зараз адзначу атрыманьне. Не торопншься?». Вннс не торопнлся. Слущать с бокалом в руке профэсснональныя бэседы художннков, ревннвых к прнзнанню, как прнма-балернны — этэ заворажнвало. Он даже немного поннмал, о чэм онн говорят. Хотя этэ было не важно. Под декадэнтскэй неспешностью таылся бурный поток эмоцнй.

Новый посетнтель не ндентнфнцнровался. Он явно не был галерейщнком, заказчнком, прнятелем нлі коллегой. Был он тут явно

чужой, и это было нелепо. В Датч-хаусе не было охраны или чего-то такого. Вавилон авангарда функционировал круглосуточно.

У городской субкультуры были свои тренды. Муай-тай во всех его разновидностях дополнял классическую триаду «Танцевать, ездить верхом и говорить пошлости». Авангардисты и айтишники вместо бильярда ходили на семинары от Vos Gym. Был у Винса тут еще один приятель — топовый витражист-мозаичник Алекс. Похож на уютного Тедди. Гундосит вежливо: «Дзякую, калі ласка, прабачце». Даже бритая башка уютная какая-то. На него таких Винсов штук пять надо. Видел его как-то в спортзале. Нунафик. Чужие тут не приветствовались и, звичайна, ня швэндаліся.

Славик и Робертас двинулись к посетителю. Винс усмехнулся. За уверенными взглядами читалась обычная надежда на неожиданный и хороший заказ. Негромкие приветствия, обычное начало обычного разговора. Движения чужого были стремительными и четкими. «Профи, не тебе чета», — мелькнуло в голове, пока выбирался из-за стола и нащупывал в кармане кастет. Демиурги почти синхронно улеглись на полу. Славик с разбитой башкой и Робертас, обнимавший печень.

Чужой достал трекер, глянул на зеленый огонек, на рюкзак позади Винса и шевельнул кистью: «Отойди и забудь». Винс стоял, держа руку в кармане, между профи и лок-боксом. Он не оценивал шансы и не строил планы мести. Он просто знал, что лок-бокс Славик еще не принял. Дешевую ерунду так не посылают, и за доставку отвечает курьер. Пустота и спокойное течение времени. «Не знаешь, что делать — делай, что должен». Чужой смотрел на руку в кармане. Винс слушал тишину и следил за ногами.

«Мистра пруского Улрика простой драб ощепом пробив», —* заторможенно-спокойным голосом приветствовал Винс зеленоватого Робертаса, сжимавшего в руке обрезок трубы — часть каркаса будущего шедевра. — Материнский инстинкт сработал?» Над своими творениями авангардисты тряслись, как белый медведь над детенышем, а мастерская была местом неприкосновенным. Славик вяло пытался сесть ровно.

** «Хроника Литовская и жмойтская» XV в. Из описания Грюнвльдской битвы — «Выправа против Прус короля Ягейла и Витолта» — «мистра пруского Улрика простой драб ощепом пробив».*

Робертас был одним из немногих, перед кем Винс не стеснялся щеголять познаниями и цитатами. Он был Lietuvos nacionalistai и вечным оппонентом. При этом им как-то удавалось не ссориться. Точку

равновесия нашел Римас, куратор выставки демиурга, случайно зашедший и успевший предотвратить спарринг.

— Ваши грубые споры считаю бессмысленными. Вместо того чтобы оскорблять и унижать национальное достоинство, нашли бы темы, которые бы объединяли. Мне странно что некоторые ваши и наши соотечественники даже в Грюнвальдской победе умудряются находить чужих среди своих. Нету достоверных данных и не может быть. Всё зависело от происхождения, воспитания и политической конъюнктуры. Вот, например, кто по-вашему по национальности гений Чюрленис, не знавший литовского языка? Мой прадед верой и правдой служил царю, был родом из-под Ошмян, в семье говорили по-польски, но он свои письма семье писал по-русски. Вот скажите мне уважаемые, кто он был по национальности, знаете?

Доўгая прамова возымела эффект. По крайней мере, им удавалось спорить сидя. Увогуле, напэўна, братья Радзивиллы* очень бы удивились, калі б даведаліся, что нынче они представители двух «некомплементарных этносов» и вообще друг другу иностранцы. И сказали бы: «WTF, kurwa?»

*Радзивилл Николай «Черный» (1515-1565) Несвижский ординат (Беларусь) и его двоюродный брат Николай Радзивилл «Рыжий» (1512-1584) ординат Биржанский (Lietuva).

— Давай, принимай уже, да пошел я. Шумно тут у вас сегодня.

— Слышь, Винс. Давай, я рассчитаюсь, а ты это Казику обратно вернешь, а? Не в форме я сейчас в сюрпризы играть.

Это было не очень по правилам. Принял, рассчитался, отпустил курьера, открыл. Наугад лок-боксы не посылались, и это была обычная рутинная процедура. Ну, или не принял. И соответственно, не рассчитался. Платил неудачливый отправитель. Быстро найти Казика в огромной больнице, где он, скорее всего, лежал под именем чьего-то родственника, и получить с него деньги было ммм..., проблематично. Похоже, «тупая травма головы» притупила предпринимательский зуд Славика. Что ж, предложение было корректным.

—А с этим что?

— Ван дер Берги заберут. Это их территория, их бизнес.

Бизнес, способный содержать Датч-хаус, заслуживал уважения. Голландцы, занимавшие верхние этажи, оплачивали семинары Vos Gym

и очень трепетно относились к репутации дома. Куда девались упыри, заходившие ўчыніць злачынства, Винсу было неинтересно. Патрулям, верагодна, таксама. С легким сочувствием глянув на чужого, Винс вышел. Пока художники бинтовали потерпевшего, трекер он прибрал. Вряд ли есть еще один, а так спокойнее будет.

Глава VI

Он шел по набережной, делая большой круг по дороге к метро. На ходу лучше думалось. При выходе из дома Клауса вновь звонил незнакомый (уже знакомый) абонент.

— Винс? Ящик у тебя? Снимешь параметры, сдашь заказ через неделю. Расчет как договаривались. ОК?

Это было совсем не ОК. И «тупая травма», похоже, не притупила у Славика зуд, а пробудила инстинкт самосохранения. Захотелось вернуться и дать ему в бубен еще раз.

Винс предпочитал простые схемы. Чем проще, тем надежнее оно работает. Сложные многослойные конструкции — это, конечно круто. Але ж у выпадку форс-мажора, который случался всегда, часть gamers of the Layer Cake попадала в категорию «рулящих», а часть — в «расходный материал». Данной схемы он не понимал, и было няўтульна.

Найти Казика. Проверить и впарить чужой трекер. Разминуться с приятелями няўдалага терминатора. Коннекшн опять же. Не с чем пока туда являться.

На спуске от казино к набережной воинов-интернационалистов идед потомок царского арапа и народный поэт Эфиопии*. Он сидел на лавочке рядом со своим цилиндром и задумчиво разводил бронзовыми руками. «Проигрался в прах!» — говорил его вид случайному прохожему. А может, его мучил вопрос: «Можно ли причислить к воинам-интернационалистам жаўнераў Ходкевича, якія баранілі под Ригой братскую Курляндию от родственников Жигимонта, своего избранного на Сейме князя и короля?*. Или интернационалисты бывают только в империях?» А может, он подумывал — не перевернуть ли свой цилиндр полями вверх, в расчете на сердобольных граждан. А может, просто любовался, как золотым цыганским зубом блесит на солнце золотой купол пристройки Кафедрального собора, чьи черные барочные башни вычурно-графично темнели на фоне голубого неба.

* Памятник А. С. Пушкину в сквере Старостинская слобода. «Пушкин столь же велик для мировой литературы, как и Шекспир, – сказал господин Аялне Мулату, который перевел на амхарский язык большую часть произведений Пушкина. – И мы очень горды тем, что он одинаково почитаем в России и Эфиопии, родине его предков»

*В битве при Кирхгольме (18 км от Риги), состоявшейся 27 сентября 1605 года, войска великого гетмана Литовского Яна Кароля Ходкевича разгромили втрое превосходящие силы Швеции. Сигизмунд III Ваза, великий князь Литовский и король Польши, правивший в то время Речью Посполитой (в 1587-1632 гг.), был сыном шведского короля и (в 1592-1599 гг.) королем Швеции.

Чтоб пробить чужой трекер, нужен был тестовый стенд. Лучший из доступных держал Доминик. Жил он не близко, но тягучее время еще не ускорило свой бег.

Навстречу слаженно двигалась бригада коммунальщиков в оранжевых жилетах. Они синхронно взмахивали метлами, и номерные шевроны синхронно взблескивали на солнце. Дворниками их давно никто не обзывал. Это была полувоенная структура, подчиненная лично министру Общественного порядка. С тяжелой техникой, да. У выпадку урагана а-ля Хавьер* или сезонного обострения ў сьвядомых ліцьвінаў они переходили на казарменное положение. Их мобильные группы рассыпались по городу, оранжевые шайтан-машины клином выползали на улицы. Грохот и армейская четкость восстанавливали Общественный порядок с неотвратимостью Немезиды.

*Циклон "Хавьер" в середине марта 2013 года принес в Беларусь снегопады, которые на несколько дней парализовали транспортное движение во многих районах республики.

В отсутствие праздников и катаклизмов коммунальщики занимались будничной рутинной. Такая национальная гвардия общественного порядка без оркестра. Бомжи, цыгане без сертификата, нищие, безбилетные пассажиры, перевернутые мусорные баки — весь социальный трэш, няварты ўвагі патрулей, был их головной болью. Полигоны коммунальщиков стояли по всему периметру города, их бесперебойная работа позволяла столице сохранять налет милой провинциальности. И сцену встречи мистера Бэйли с McGeary-35 в финале культового фильма вырезали вовсе не по их просьбе. Они просто наводили чистоту. По набережной было прыемна шпацыраваць.

Штудии толстых книг нека дзіўна адбіліся на звычайных рэчах. То, што ранее было плоским і затэрым прыобрело грани і іногда отражало обыденность под странным углом. Мостик в десяток шагов через Свислочь. Эту речку полтысячи лет назад Торговец из Фландрии*. изобразил на своей карте для первого в мире Атласа. Орша, Гродно, Пинск, Днепр-Борисфен — тут все понятно, их любой map-service показывает. Но Свислочь? Море Геродота и Свислочь? Вот эта речка, где кормят уток и медитируют рыбаки? Якую толькі на мясцовых мапах знайсці магчыма? На карте 1595 года... Нарисованной фламандцем... вручную... Магия.

* Герард Меркатор — фламандский картограф, автор первого Атласа (сборника карт с Атлантами на обложке, 1595 года), автор картографической проекции. Принял латинизированный вариант Mercator своей фамилии Krämer (торговец, нем). Его «Lithuania» — первая карта, посвященная только Великому княжеству Литовскому.

Завершая прогулочный круг по дороге к метро, Винс стоял на перекрестке в ожидании зеленого сигнала светофора. На ступеньках Центра Моды трое растаманов под звуки кривого барабана боролись с вавилоном внутри себя. Над ними с барельефа «Solidarity»* уверенно глядели вдаль алюминиевые космополиты.

Этот барельеф на Центре Моды был иконой анархистов и вгонял в ступор фактом своего существования и местом расположения. Сами собой всплывали строки ваяцкага марша: «Мы выйдзем шчыльнымі радамі...»* Суровые люди явно гражданского вида, безродные космополиты с винтовками, они плечом к плечу выступают из неясных глубин пад цяжкім штандарам неба. Что характерно — нешматлікая збоя прыхавана ў натоўпе и в складках небесного знамени. И два обреза из четырех прячут за спинами женщины. Адразу прыгадваліся «Зялёны Рух»* и конь бледный из воспоминаний террориста*: «Сроков знать не дано... Да, не мы измерим наш грех. Но и не мы измерим нашу малую жертву. *И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей**».

* Барельеф «Солидарность» А. Арцимовича установлен на фасаде Центра Моды, открытого в 1968 году. Образ воплощает идеи космополитизма, в правом верхнем углу надпись «Solidarity».

* «Мы выйдзем шчыльнымі радамі...» — первая строка «Ваяцкага марша», гимна Белорусской Народной Республики. Музыку написал В.

Террановский, арестован в 1921 году по делу «Зеленого дуба», антисоветского крестьянского движения в Беларуси. Расстрелян в 1938.

*«Зялёны рух», «зеленые армии» — обобщённое название нерегулярных, преимущественно крестьянских вооружённых формирований, противостоявших иностранным интервентам, большевикам и белогвардейцам в годы Гражданской войны.

* «Воспоминания террориста. Конь бледный. Конь вороной» — воспоминания Б. Савинкова, революционера, террориста, руководителя Боевой организации партии эсеров. Действие второй части книги происходит на фоне похода генерала БНР Станислава Булак-Балаховича на Мозырь.

* *«И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей»* Откровение святого Иоанна Богослова («Апокалипсис»), гл. 6.

Толпы людей стекали в метро, как Немига в коллектор. Пристроившись в вагоне, Винс задремал. Ехать было далеко. Большой Тростенец, где функционировал Доминик, лежал за Первой кольцевой, напротив промзоны, где утилизировали половину продукции, выпускаемой заводами Заводского района. Такой вот каламбур. Или пердимонюкль. Независимо от корректности литературного термина, ходить там надо было аккуратно.

to be continued...

6612273@gmail.com